

Александр Грин

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

РАССКАЗЫ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г85

Грин, А.

Г85 Ученик чародея / А. Грин. — М. : Т8RUGRAM. — 172 с.
— (Модное чтение).

ISBN 978-5-519-63378-9

Александр Грин (1880–1932) — последний русский романтик, поэт, автор философско-психологических произведений, пронизанных необычайным символизмом.

«Ученик чародея» — сборник восхитительных рассказов писателя, среди которых: «Создание Аспера», «Огненная вода», «Маятник души», «Рене», «Ученик чародея» и многие другие. Настоящий мастер сюжетных ребусов, Грин погружает читателя в миры удивительных приключений и экзотических стран, которые надолго запомнятся каждому!

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

Каждый сам миллионер.....	5
«Продолжение следует».....	12
Нож и карандаш.....	25
Враги.....	33
Узник «Крестов».....	40
Ученик чародея.....	44
Мрак.....	63
Огненная вода.....	70
Рождение грома.....	78
Шедевр.....	82
Создание Аспера.....	84
Восстание.....	95
Рене.....	102
Струя.....	131
Пешком на революцию.....	136
Маятник души.....	146
Клубный арап.....	154

КАЖДЫЙ САМ МИЛЛИОНЕР

I

Когда Скоков пришел к полному, тысячу раз проверенному убеждению, что такому заурядному, как он, такому незначительному, тихому человеку суждено до конца дней служить в канцелярии на семидесяти пяти рублях жалованья, он наметил для себя в будущем некий торжественный и блестящий скачок.

«Скачок» этот заключался в следующем: Скоков решил ровно десять лет быть скупым, жить впроголодь, спать в собачьем углу, но зато, скопив ровно десять тысяч рублей, истратить их в 24 часа на роскошь, еду, напитки, развлечения, женщин и цветы — с такой же легкостью и сознанием силы денег, какие присущи миллионерам.

Вознаградив себя таким образом за все лишения и будущего и прошлого, Скоков рассчитывал еще получить с этого «капитального» дня проценты: воспоминания.

Один сказочный день наслаждений он ставил центром, смыслом и целью жизни.

Не будем судить его слишком строго.

Вероятно, этот человек был очень обделен всем, наверное, он читал только в книгах о званых обедах, любви, путешествиях и алмазах.

У него не было ничего, он же хотел всего.

Мы знаем людей с меньшей напряженностью материальных желаний, добившихся большего, чем хотели, пресыщающего благополучия.

Несчастье Скокова заключалось в том, что он был наделен огромным пассивным упорством в противовес упорству активному, он мог лишь сгустить и придержать то, что есть, добывать и бороться было не в его характере.

Во всяком случае, человек этот наметил себе определенную ясную цель, не лишённую некоторой поэзии («загреметь на миг»), чем похвастаться может далеко не всякий.

Скоков жил в отгороженном углу грязной, сырой мансарды и за такое помещение платил три рубля в месяц.

Мебель Скокова выражалась числом 3: стол, койка и табурет.

Белье Скоков стирал сам по воскресным дням, покупая кипяток в соседнем трактире.

Он не курил, не пил ни чая, ни кофе — ничего, кроме воды.

Его пищу — раз в день — составлял двухфунтовый хлеб с небольшим количеством масла или картофеля.

На керосин и свечи не истратил он даже копейки, — летом темнело поздно, а зимой он просиживал вечера в дешевом кафе, не требуя ничего, кроме газеты.

Лакеи считали его безобидным помешанным.

Раз в месяц он мылся в бане за гривенник.

На белье, одежду и сапоги, все вместе, он тратил ровно сорок рублей в год, считая это ненужной ему лично, но необходимой для службы роскошью.

Покупая за бесценок у торговцев старьем ношенные, в дырах и пятнах вещи, Скоков пускал в ход иглу, бензин

и чернила, с помощью которых вдохновенно отремонтированные брюки и пальто принимали терпимый вид.

Воротнички и манжеты он искусно вырезал сам из толстой атласной бумаги, похищаемой из канцелярии.

Галстухи сшивал он из обрезков цветного ситца.

Ко всему этому прибавим, что Скоков передвигался только пешком, не посещал ни кинематографов, ни театров и не покупал газет.

8-го ноября 19... года Скоков отнес в банк свое первое месячное накопление: 65 рублей 17 коп.

С небольшими отступлениями от названной цифры сумма эта вносилась им первого числа каждого месяца в течение десяти лет, и к тому дню, когда мы застаем его накануне кануна великолепного торжества жизни, равного по исключительности разве лишь брачному экстазу пчелы-трутня, погибающего за миг любви, или волнению астронома, исследующего комету с сорокалетней орбитой, — вклад Скокова равнялся девяти тысячам восьмистам двум рублям.

Накануне кануна Скоков взял пятидневный отпуск.

В этот же день он вынул из банка все деньги и запер их в своем крошечном сундуке.

Сделав это, он поцеловал ключ и, подойдя к окну, долго смотрел влажными от волнения глазами на белый снег, белые крыши, белые деревья и черное зимнее небо.

II

Следующий день — канун — Скоков намеревался употребить для приготовлений: оповестить и пригласить со-

служивцев, снять целиком ресторанный зал с кабинетами, потревожить портных, цветочные магазины, дорогих кокоток, — вообще выполнить все необходимое кутящему миллионеру.

В такой день он не только не хотел жалеть деньги, но не хотел даже, чтобы осталась хоть копейка.

Пока мысли его бродили среди двадцатичетырехчасового праздника наслаждений, в них замешалась одна мысль, к которой скоро обратилось все внимание Скокова.

Мысль эта, очень простая, была такова: как примет организм после десятилетнего истинно аскетического образа жизни такое нагромождение чувственных восприятий. Все обилие тонких, жирных, вкусных, преимущественно рыбных и мясных, яств? Море вина? Женские объятия? Напряженное волнение музыки? Запах и блеск цветов? Наконец, сытость внутреннюю, усиливающую возбуждение?

Скоков серьезно задумался.

— А вдруг, — сказал он, — вдруг все это именно в силу потрясающего изобилия, обрушившегося на голодное тело, произведет нестерпимо тягостное нервное впечатление?

Он сидел на сундуке с деньгами и думал.

Понемногу настоящий страх охватил его, — то, к чему он привык за десять лет нищеты, — черный хлеб, тьма и уныние, — могли встать между ним и возжеланными наслаждениями, как спазма.

Если его желудок откажется принимать мясо, вино, фрукты, — к чему десять тысяч и все затеянное?

Скоков испугался возможного разочарования. Душа его встрепелулась.

Стемнело, как всегда в зимний день, рано, и долгое сидение в темноте вызвало глухую тоску.

Наконец, после долгого колебания, Скоков решил сегодня произвести *репетицию*: коснуться, хотя слегка, той радужной области наслаждений, которые подготовлял так терпеливо и долго.

Он хотел испытать себя.

Взяв из сундука десять рублей, он по привычке бережно сложил бумажку вчетверо, глубоко засунул ее в карман, оделся и вышел.

Он был на улице.

От одной мысли, что *теперь* свободно и просто может зайти в любой ресторан, как умеющий и любящий пожить человек, сердце его забилося так сильно, как у других бьется перед свиданием.

У освещенных дверей «Золотого якоря» он остановился, дрожа, подобно гимназисту, обуреваемому стыдом и желанием, когда на скопленные тайком деньги, переодетый, спешит он первый раз в жизни к продажной женщине и, позвонив у красного фонаря, бледнеет от внезапной слабости, от страха, от желанья и от ненависти к желанию, заставляющему так страдать.

Волнуясь, Скоков вошел, разделся и, чувствуя себя уже немного пьяным от света, звуков оркестриона и белизны столового белья, уселся.

Подумав, он заказал три блюда: мясное, рыбу и сладкое.

Затем потребовал бутылку пива и полбутылки красного вина.

Он сознавал, что действует, как во сне.

Контраст с прежним образом жизни был колоссален.

Выпив стакан пива, он нашел этот напиток сам по себе огромным, неисчерпаемым наслаждением.

Он был очень нервен и потому не опьянел сразу, но взвинтился и пободрел.

В течение двух часов он пережил следующее: сложный аромат горячего мяса, который был им совершенно забыт, вкус этого мяса, совершенно необыкновенный, поразительный и волшебный; запах и вкус рыбы, тонкая поджаренная корочка которой вызвала слезы на его глазах, и обаяние крема, запитого тепловатым, с привкусом ореха, вином.

Его настроение было настроением полного животного счастья.

Желудок принимал все с жадным содроганием настоящей страсти.

Вино оглушало, усиливая звуки оркестриона, придавая им пьяную бархатность и чувственную поэзию.

Улыбаясь, к Скокову подошла и под села самая обыкновенная ресторанная девушка.

Она была для него самой лучезарной красавицей мира.

Он заговорил с ней, выпил еще, опьянел совершенно и был увлечен женщиной в картинно-зеркальный кабинет, — часть неведомого дворца, как показалось ему.

Он говорил без конца и, главное, о том, что вот он наконец счастлив. Он сыт, пьян, с ним фея.